

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10025
УДК: 72.092

И.А. Казусь
НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства
ул. Душинская, 9, г. Москва, Россия, 111024
igorkazus@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8071-7113>

Проект Дома науки и культуры А.З. Гринберга (1929–1932): новые данные

Аннотация

С использованием новых архивных документов и материалов периодической печати рассматривается начальный этап проектирования Дома науки и культуры (ДНиК) в Новосибирске. В контексте предшествовавших конкурсных проектов Народных домов, Дворцов Труда, Домов Советов А.З. Гринберга, включавших театральные залы (1922–1925), констатируется использование Гринбергом в проектах Дворца Труда в Москве и Народного дома в Иваново-Вознесенске тонкостенных оболочек, до того в архитектурной практике не применявшихся. Выявляется связь первоначального эскизного проекта театра ДНиК (1929–1930) Гринберга с решением театрального здания из состава его неосуществленного проекта Дома Советов в Туле (1929). В результате нового прочтения уже известных документов реконструируется до сего дня остававшаяся не проясненной ситуация, в итоге которой на базе этого эскизного проекта, включившего предложенную художником М.И. Курилко и архитектором Т.Я. Бардтом систему панорамно-планетарного театра, возникло уникальное здание с крупнейшей в мире полусферической купольной оболочкой зрительного зала. Дается ответ на поставленный в свое время С.Н. Баландиным вопрос, почему Т.Я. Бардт не принял на себя роль архитектора этого театра.

Ключевые слова: Т.Я. Барт, А.З. Гринберг, М.И. Курилко, Б.Ф. Матэри, Новосибирск, Тула, планетарно-панорамный театр, тонкостенная оболочка, купол, Дворец Труда, Дом Советов

I.A. Kazus'
Scientific and Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning
Dushinskaya Street, 9, Moscow, Russia, 111024
igorkazus@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8071-7113>

House of Science and Culture design made by A.Z. Greenberg (1929–1932): new data

Abstract

Using new archival documents and periodical materials, the initial stage of designing the House of Science and Culture (DNiK) in Novosibirsk is considered. In the context of previous competitive projects of People's houses, Labor Palaces, House of Soviets A.Z. Greenberg, including theater halls (1922–1925), states the use of Greenberg in the projects of the Palace of Labor in Moscow and the People's House in Ivanovo-Voznesensk thin-walled shells, previously not used in architectural practice. A connection is revealed between the initial sketch design of the theater of DNiK (1929–1930) of Greenberg and the decision of the theater building from the structure of his not completed project of the House of Soviets in Tula (1929). As a result of a new reading of already known documents, the situation that remains unclear is being reconstructed to this day, as a result of which, on the basis of this conceptual design, which included the proposal by the artist M.I. Kurilko and architect T.Ya. Bardt system of panoramic planetary theater, a unique building with the world's largest hemispherical domed casing of the auditorium arose. An answer is given to S.N. Balandin question, why T.Ya. Bardt did not assume the role of architect of this theater.

Keywords: T.Ya. Bart, A.Z. Greenberg, B.F. Materi, M.I. Kurilko, Novosibirsk, Tula, planetary-panoramic theater, thin-walled shell, dome, Palace of Labor, House of Soviets

Введение. Проект конструктивистского театра из состава комплекса Дома науки и культуры (ДНиК) в Новосибирске, выполненный А.З. Гринбергом в 1929–1930 гг., затем им «перестроенный» в 1930–1931 гг. согласно системе «Теомасс», получив наименование панорамно-планетарного театра, и при его участии осуществленный вчерне в 1932–1934 гг., несомненно, явился одним из главных произведений мастера. С изменением направленности в советской архитектуре и последовавшей затем «реконструкции» здания в функционально традиционный Театр оперы и балета по проекту возглавлявшейся А.В. Щусевым мастерской № 2 Моссовета возникло произведение, авторство Гринберга в котором оказалось номинальным.

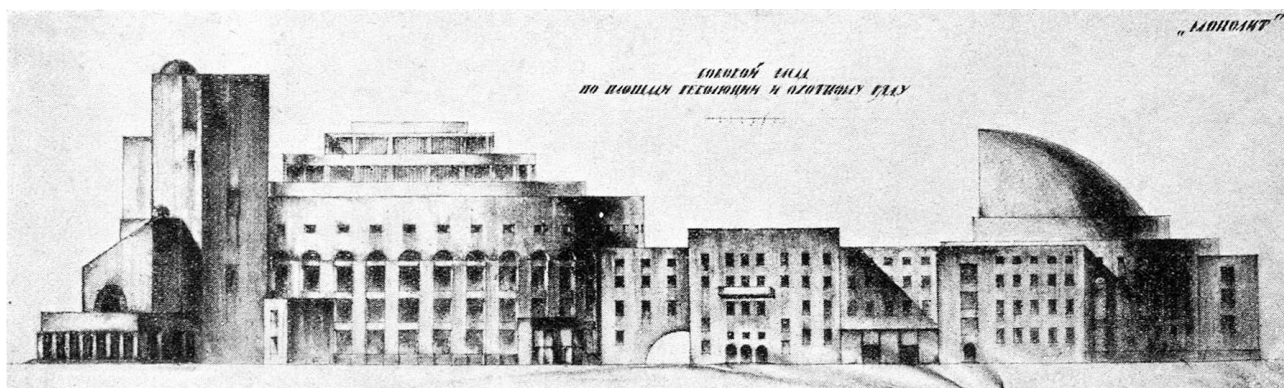
История проектирования и строительства этого уникального здания подробно рассмотрена в книге его первых исследователей С.Н. Баландина и В.С. Баландина [Баландин, Баландин, 1990],¹ сформировавших основную архитектурно-историческую фактологию возникновения этого объекта. С.Н. Баландин полагал, что первоначальный проект Гринберга, будучи недостаточно выразительным, не удовлетворил Комитет содействия постройке ДНиК (Комсод), который, ориентируясь на результаты конкурсов 1930 г. на проекты театров в Ростове-на-Дону и Харькове, принял предложение художника М.И. Курилко и архитектора Т.Я. Бардта о строительстве принципиально нового синтетического массового театра. В эту группу в качестве «проектировщика архитектурно-строительной части здания» вошел и А.З. Гринберг [Там же, с. 34]. Данная схема, транслированная позднейшими исследованиями [Ложкин, 2005; Духанов, 2006 и др.], при сопоставлении с историческим контекстом и его хронологией оказывается, однако, не столь очевидной. Так, А.Ю. Воробьев отмечает, что «понимая всю сложность разработки нового гигантского

объекта, Гринбергом... были приглашены (здесь и далее курсив мой — И.К.) специалисты-технологи сцены — художник... М.И. Курилко и архитектор, театральный технолог Т.Я. Бардт», которыми «была придумана технологическая схема функционирования театра «Теомасс» [Воробьев, 2012, с. 129]. И.В. Невзгодин внес в трактовку ситуации новый акцент, подчеркнув, что «по предложению А.З. Гринберга к проектированию театра в Новосибирске подключились Т.Я. Бардт и М.И. Курилко, которые разработали для него специальную систему «Теомасс» [Невзгодин, 2013, с. 232]. Эти точки зрения, передающие Гринбергу инициативу приглашения авторов новой системы, будучи популяризированы [Великие..., 2014], свидетельствуют о необходимости более детального рассмотрения ситуации, принимая во внимание при этом еще не исследованный интерес Гринберга к тонкостенным железобетонным оболочкам, художественные возможности которых он использовал в предшествующих конкурсных проектах.

Полученные результаты и их обсуждение.

Интерес к театральной архитектуре А.З. Гринберг проявил сразу по окончании Академии художеств (1911 г.). После успешного участия в конкурсе на проект застройки Тучкова Буяна в Петербурге зданиями для выставок и съездов, требовавших вместительных, сопоставимых с театральными, залов [Зодчий, 1912], Гринберг был отмечен второй премией на конкурсе проектов Народного дома в Ростове-на-Дону [Зодчий, 1913]. В 1922–1923 гг. в ходе строительства на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке ряда запроектированных им павильонов [Казусь, 2013, с. 231] Гринберг творчески сблизился с М.Я. Гинзбургом, автором проекта построенного там же павильона Крыма [Хан-Магомедов, 1972, с. 10]. С совместным проектом они приняли участие в конкурсе МАО на Дворец Труда в Москве (1922–1923 гг.), который в ходе разработки программы

¹ Далее — С.Н. Баландин.

Ил. 1. Конкурсный проект Дворца Труда в Москве. Архитекторы М.Я. Гинзбург и А.З. Гринберг. 1922–1923. Боковой фасад [Гинзбург, 1924, ил. XXVII]

Fg. 1. Competition design of the Palace of Labor in Moscow. Architects are M.Ya. Ginzburg and A.Z. Greenberg. 1922–1923. Side facade [Ginzburg, 1924, il. XXVII]

трактовался «грандиознейшим сооружением в мире» [Коммунальное., 1922]. В ответ на требование программы использовать «простые современные формы» [Из истории., 1963, с. 147], в отличие от проекта братьев Весниных, предъявивших новое архитектурное направление — конструктивизм, в проекте Гинзбурга и Гринберга нашли отражение символическая динамика и презентация монументальной массы упрощенных исторических форм.

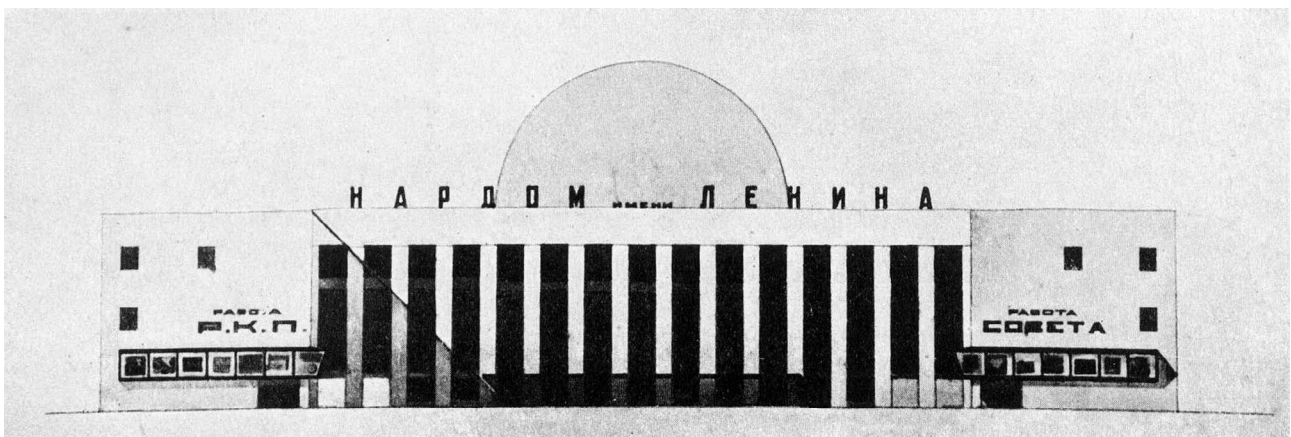
Для заседаний Моссовета программой конкурса был предусмотрен зал на 2500 человек («прием композиции — аудиторный с хорами») и залы на 1000 и 500 человек «для собраний, лекций, концертов, спектаклей, кино и пр.», при проектировании которых надлежало «руководствоваться общими положениями для театральных помещений» [Там же, с. 146]. Предложенное проектом покрытие зала на 2500 человек в виде оболочки в форме полукупола (радиусом более 20 м), который обеспечивал освещение зала с его торцевой юго-западной стороны, придало Дворцу Труда облик, до того не свойственный общественным зданиям (ил. 1). Не исключено, что применение этого инновационного покрытия было вдохновлено экспериментальной трехсантиметровой желе-зобетонной полусферической оболочкой (диаметр 16 м) планетария на крыше завода «Карл Цейсс» в Йене, которую именно в 1922 г. рассчитали, запроектировали и в 1923 г. методом торкретирования построили сотрудники германской компании Dускерhoff & Widmann инженер-строитель Ф. Дишингер и инженер-архитектор В. Бауэрсфельд [Billington, 2013, s. 159; Кривошапка, Галашникова, 2015, с. 338].

Гинзбург поместил совместный с Гринбергом проект в своей книге «Стиль и эпоха» [Гинзбург, 1924, ил. XXVII], однако его уникальная оболочка специального интереса исследователей не вызвала. Так, В.Э. Ха-

занова опубликовала этот проект в ряду с конкурсными проектами Дворца Труда братьев Весниных, И.А. Голосова, Г.М. Людвиг, К.С. Мельникова, Н.А. Троцкого и А.Е. Белогруда, надо полагать, только в связи с тем, что одним из его авторов был будущий теоретик конструктивизма М.Я. Гинзбург. Она отметила, что «в творчестве такого мастера, как М. Гинзбург, проект Дворца Труда был случайным эпизодом. Трудно поверить, что этот проект и его статьи, убежденно отстаивающие принципы функционального метода, разделены сроком всего лишь в несколько месяцев» [Хазанова, 1970, с. 137]. Однако Гинзбург, строительный опыт которого исчерпывался небольшой дачей (особняк) в Евпатории [Хан-Магомедов, 1972, с. 175], до того в конкурсах не участвовавший, после успеха в крупнейшем конкурсе на Дворец Труда (проект приобретен), предложив в соавторстве с опытным строителем Гринбергом современнейшую конструктивную систему и ее новую форму, уверенно включился в конкурсную практику эпохи авангарда.

Говоря о совместном проекте Гинзбурга и Гринберга, С.О. Хан-Магомедов, хотя и обратил внимание на форму оболочки: «Дворец Труда по их проекту представлял собой сочетание полукруглого в плане перекрытого полукуполом объема малого зала, прямоугольных корпусов и основного (круглого в плане) объема большого зала» [Там же, с. 33], но принципиальную функционально-техническую и образную новизну этого решения также не выделил.

В конкурсе на проект Народного дома имени В.И. Ульянова-Ленина в Иваново-Вознесенске (декабрь 1924 — февраль 1925 г.), включившего главным объемом театральный зал на 1200 человек («прием композиции аудиторный, ложи и ярусы исключаются») [Московское., 1924], А.З. Гринберг в соавторстве с Я.И. Райхом и Д.Ф. Фридма-

Ил. 2. Конкурсный проект Дворца Труда в Москве. Архитекторы М.Я. Гинзбург и А.З. Гринберг. 1922–1923. Боковой фасад [Гинзбург, 1924, ил. XXVII]

Fig. 2. Competition design of the Palace of Labor in Moscow. Architects are M.Ya. Ginzburg and A.Z. Greenberg. 1922–1923. Side facade [Ginzburg, 1924, il. XXVII]

ном, отвечая на идеологический заказ, не прибегая к строгому функционализму, использовал симметричную композицию здания с памятником Ленина перед ним, подчеркнутую упрощенным ордером фасада. Хотя программа ориентировала на традиционный подход («проектировать театральные помещения надлежит применительно к Обязательным постановлениям по устройству театров б. Петербургской городской думы») [Там же], авторы проекта избегли стереотипного облика театра с прямоугольной сценической коробкой, разместив на оси здания тонкостенную полусферическую купольную оболочку диаметром около 20 м (ил. 2).

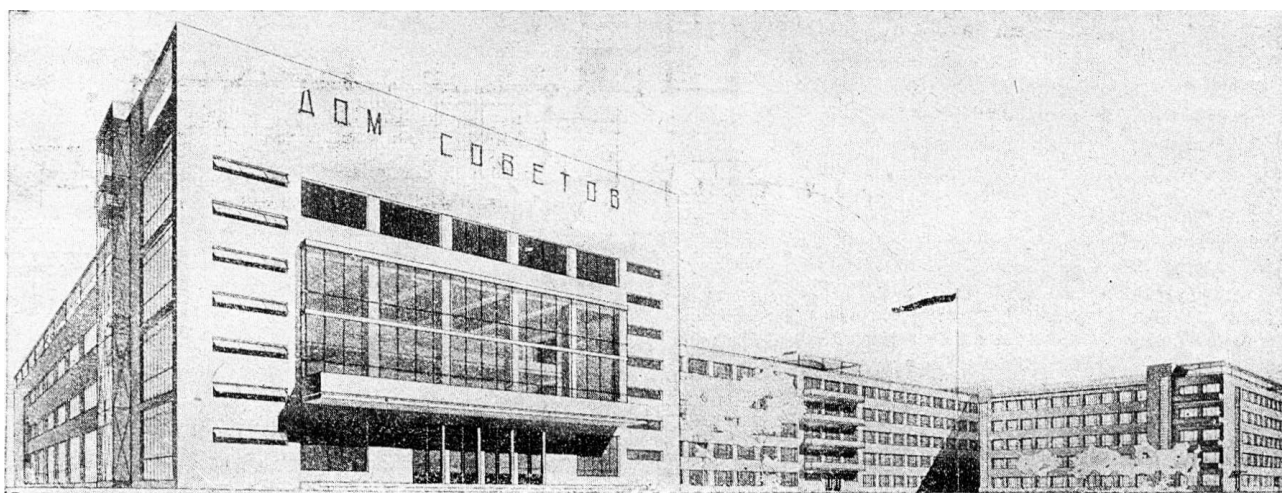
Но и этот купол, свидетельствующий о творческом пристрастии Гринберга к строительно-технической новации, не стал объектом внимания исследователей. Примечательно тем не менее, что, рассматривая результаты конкурса на проект Народного дома, на котором первой премией был отмечен проект Г.Б. Бархина и М.Г. Бархина, В.Э. Хазанова приводит только репродукции конструктивистского проекта братьев Весниных и проекта группы А.З. Гринберга (рекомендован к приобретению). Подчеркивая, что «в этом конкурсе очевидно большое внимание к образной выразительности сооружения», она констатирует: «Однако... Г. и М. Бархины и С. Чернышев нарочито упрощают фасады народного дома, что делает их крайне невыразительными; в проекте А. Гринберга... дана как бы отвлеченная схема общественного здания любого назначения. <...> Подобная же "универсальность", — продолжает Хазанова, — присуща и проекту братьев Весниных» [Хазанова, 1970, с. 129–130].

Трудно согласиться с позицией автора цитаты, поскольку именно проект группы

Гринберга обладает выраженной образной характеристикой, графически смело соединяя пластичные пилоны и нарочито данную без светотени купольную оболочку, тем самым подчеркивая ее легкость. Установленный над двухэтажным фойе купол, рассчитанный на подсветку его пространства, был предназначен для формирования величественного интерьера, отвечающего идее Народного дома. План его второго этажа имеет маркировку «Первый этаж», что вновь подтверждает внимание Гринберга к практике Германии [Конкурсы..., 1927, с. 31].

Не оставил Гринберг без внимания и всесоюзный конкурс на проект здания Школы-театра имени В.И. Ленина в Сормове Нижегородской губ. (1924 г.). Его проект заинтересовал заказчика, однако, апеллируя к тому, что заявленный Гринбергом гонорар за разработку проекта (без смет, расчетов и рабочих чертежей) превысил лимиты исполкома, проектирование было возложено на группу местных архитекторов [ЦАНО, Ф. Р-1679. Оп. 1 (1928 г.). Д. 383. Л. 52–53, 61]. Тогда же совместно с Б.М. Великовским он выиграл конкурс на первый в стране Дом Советов в Брянске (октябрь 1924 г.) с отдельно стоящим залом для съездов и собраний на 1200 человек, который, согласно программе, мог функционировать как театр [Конкурсы..., 1927, с. 33] и фактически стал первым театром, построенным в советское время [Казусь, 2010].

Весной 1925 г. Гринберг в соавторстве со студентом МВТУ А.В. Власовым, выполнявшим курсовую работу «Дворец Труда», был премирован в конкурсах на проекты Дворцов Труда в Ростове-на-Дону (четвертая премия) и Екатеринославе (вторая премия). Хотя программы обоих конкурсов различались, их объединяла резко возросшая, ориентированная на массовое действие вместимость

Ил. 3. Конкурсный проект Дома Советов в Туле. Архитектор А.З. Гринберг. 1929. Перспектива [Гринберг, 1930, с. 650]

Fig. 3. Competitive design of the *House of Soviets* in Tula. Architect is A.Z. Greenberg. 1929. Perspective [Greenberg, 1930, p. 650]

зрительных залов — соответственно 3500 и 3150 человек. Примечательным элементом проекта для Екатеринослава стали выявленные на главном фасаде цилиндрические витражи лестниц, ведущих из вестибюля в зрительный зал [Конкурсы..., 1927, с. 17–18, 25, 28].

Не обращаясь до 1929 г. к театральной тематике, Гринберг успешно участвовал в крупнейших конкурсах тех лет, в которых метод конструктивизма с функциональным членением объемов зданий, асимметричностью плана, эксплуатируемой плоской крышей и всефасадностью был наиболее полно реализован. В них отразилось и характерное для Гринберга, идущее от рационализма, пристрастие к пластике стены и скульптурности объемов. Этот подход мастера отчетливо сказался в конкурсном проекте Дома Советов в Туле (1929 г.), возникшем в соперничестве с проектом В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха. В соответствии с заданием Тульского губисполкома комплекс фактически объединил функции Дома Советов, Дворца Труда и Дома Промышленности. Переходом на уровне 2-го этажа его административный корпус соединен с прямоугольным в плане залом съездов и конференций («он же театр»). «Места в нем устроены, — отметил Гринберг, — амфитеатром и один ярус для публики, всего на 1500 чел., со сценой, уборными артистов и другими обслуживающими помещениями» [Гринберг, 1930, с. 651–652]. Масштаб сооружения определили не только четырехэтажный объем театральной части и его главный фасад с крупноформатным раскрытым на площадь витражом и обширной плоскостью стены с надписью «Дом Советов», но и вертикали панорамного лифта и витражи лестничных клеток на боковых фасадах (ил. 3). Подчеркнуто сопоставляя выявленный каркас здания, свойственный проектам ортодоксального

конструктивизма, с обширными плоскостями стен и витражей, Гринбергу удалось достичь монументальности театра, транслированной всему Дому Советов. Арьерсцена этого универсального зала стыкуется с залом заседаний пленумов на 400 человек, проход в который от угловых лестниц вестибюля предусмотрен по протяженным ленточно-остекленным переходам. Проект столь значительного комплекса в связи с включением Тульской губернии в состав созданной тогда крупной Московской области осуществлен не был, но принципиальное решение его театральной части оказалось востребованным при проектировании Гринбергом Дома науки и культуры в Новосибирске.

Необходимость строительства в Новосибирске здания с большим многофункциональным залом на 2500–3000 человек обсуждалась уже при возведении в середине 1920-х гг. Дома Ленина [Баландин, 1990, с. 21] и была предусмотрена резолюцией III съезда Советов Сибирского края (9–15 апреля 1929 г.) о Доме науки и культуры [Дом., 1929]. Выполняя решение съезда, Сибкрайисполком включил ассигнования на постройку ДН и К в контрольные цифры на 1930 г., обозначив тем самым общесоюзный масштаб будущего комплекса [Сибирь..., 1929]. Поскольку стратегию градостроительного развития Новосибирска в тот период определял окрисполком [Самарин, 1999, с. 36–37], для придания решению съезда практического импульса при нем был создан, подобно многим стройкам страны, Комитет содействия постройке во главе с председателем президиума окрисполкома и горсовета И.Г. Зайцевым. В октябре 1929 г. в связи с предпринятым Комсодом сбором средств на строительство ДН и К [Пора..., 1929] в «Советской Сибири» был даже опубликован выполненный в неоклассической стилистике «рукой одного новосибирского

Ил. 4. Эскизный проект театра Дома науки и культуры в Новосибирске. Архитектор А.З. Гринберг. 1929–1930. Перспектива [Киренский, 1930]

Fg. 4. The preliminary design of the theater of the *House of Science and Culture* in Novosibirsk. Architect is A.Z. Greenberg. 1929–1930. Perspective [Sovetskaya Sibir'. 1930. May 23 (No 116).]

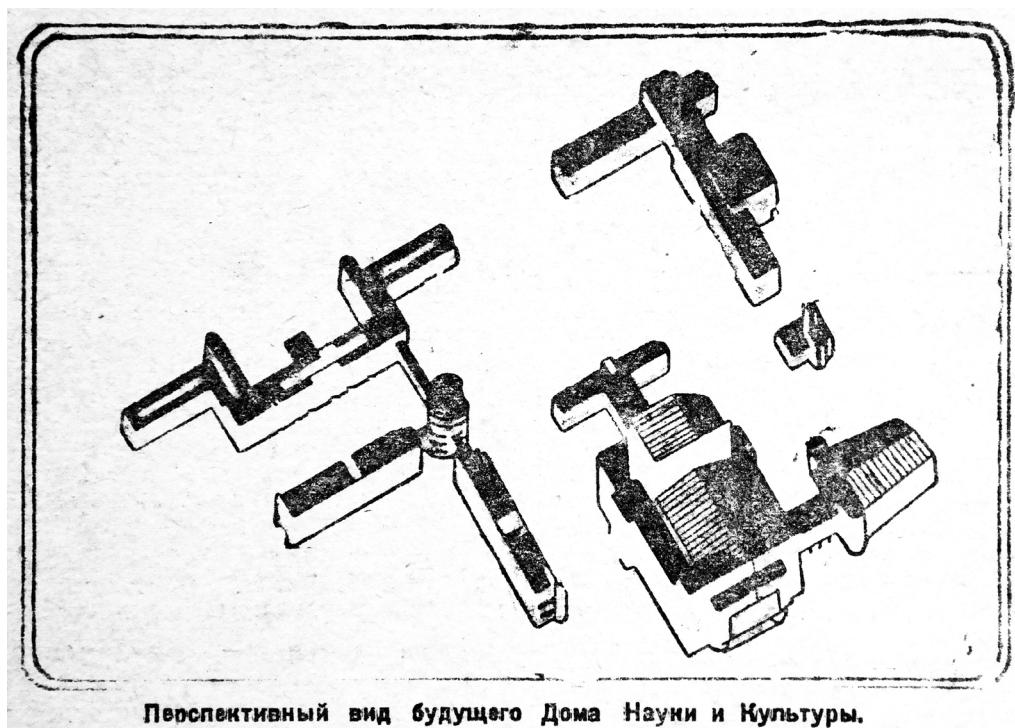
архитектора» эскизный проект этого комплекса [Дом..., 1929].

Комсод исходил из того, что «Дом науки и культуры явится средоточием художественной и научно-исследовательской работы в Сибири, очагом коммунистической культуры в крае... будет состоять из нескольких зданий общественного значения, объединенных единством архитектурного замысла. В этот ансамбль строений, — писала газета, — составной частью войдет новый театр, он же — место работы краевых съездов и конференций». И далее: «Архитектурный стиль этого величественного сооружения должен носить в себе черты эпохи социалистической стройки и быть свободным от влияния старых форм зодческого искусства. <...> Это даст гарантию в том, что будущий Дом науки и культуры родится не уродливым железобетонным комодом, а прекрасным образцом революционного строительного искусства, отражающим идеи нашей великой эпохи». Однако вопреки убеждению выдающегося реформатора театра В.Э. Мейерхольда, что «нужно уничтожить ложи и совершенно отказаться от расположения мест ярусами», «только амфитеатровое расположение зрительного зала годно для спектакля, создаваемого совместными усилиями актера и зрителя», как его цитировала «Советская Сибирь», краевая Театральная комиссия под председательством руководителя Истпарта В.Д. Вегмана, «пришла к заключению, что театр должен быть двухъярусным», т.е.

традиционным по структуре [Постройку..., 1929].

Сообщая 28 сентября 1929 г., что «на ближайшем заседании Комитета содействия будет, вероятно, окончательно решено, кому заказать проект ДНик», «Советская Сибирь» сослалась на рассматривавшиеся Комсодом варианты: «объявить конкурс и премированный проект положить в основу строительства» или «изготовление эскизного проекта сразу же поручить какому-нибудь видному советскому архитектору», что «несомненно, даст экономию и ускорит процесс подготовительной работы». Имелись в виду, отметила газета, братья Веснины как «талантливые представители нового течения в архитектурной мысли, авторы многих интересных проектов, в том числе Ленинской библиотеки в Москве» [Там же].

Проектирование поручили А.З. Гринбергу, по проекту которого в Новосибирске уже возводились конструктивистские корпуса Окружной больницы. В этом строительстве деятельно участвовал инженер-строитель И.В. Киренский [Казусь, 2017, с. 121–124], член Комсода от городского Управления строительного контроля. «Дорожная карта» возведения ДНик, согласно которой первым этапом планировалось строительство театра, была рассчитана на опережение строительства и Ростовского-на-Дону, и Харьковского театров, проведение конкурсов на проекты которых анонсировалось их устроителями в декабре 1929 г. — январе 1930 г.

Перспективный вид будущего Дома Науки и Культуры.

Илл. 5. «Перспективный вид будущего Дома науки и культуры» в Новосибирске. Архитектор А.З. Гринберг. 1929–1930 [Перспективный..., 1930]

Fg. 5. «A promising view of the future *House of Science and Culture*» in Novosibirsk. Architect is A.Z. Greenberg. 1929–1930 [Sovetskaya Sibir'. 1930. June 20 (No 141)]

[Известия., 1929, № 287; Известия., 1930, № 4]. Перманентность расчета Комсода на обеспечение временного приоритета подтвердилась и на следующем этапе, когда председатель президиума Комсода И.Г. Зайцев напомнил московскому представителю теперь уже Западносибирского крайисполкома А.И. Клеверу, что «ЗапСКИК, начав строительство театра... заинтересован в быстром его осуществлении, встав в соревнование со строительством Ростовского н/Д, Харьковского, Свердловского театров» [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501. Л. 29].

В ходе последовавшей вскоре передачи Комсода в ведение Сибкрайисполкома, что потребовало обновления состава Комитета, Киренский был избран в его президиум [Создан Комитет., 1930], возглавив Техническую секцию Комсода [Весь Новосибирск, 1931, с. 75] и «в конце 1929 г. по предложению Комсода... — зафиксировал Гринберг, — мною было совместно с инж. И.В. Киренским продумано и составлено обстоятельное задание на проектирование комплекса ДКиН², в которое вошли: театр на 3000 чел., малый зал для концертов и лекций на 1000 чел., музей, библиотека с читальным залом, выставочное здание, научно-исследовательский институт и ряд подсобных к ним помещений. По утверждении Комсодом этого задания, в начале 1930 г. мною было приступлено... к составлению первоначального эскизного проекта ДКиН, который был закончен в апреле 1930 г.» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13. Л. 101]. Действительно, подписанная Гринбергом «Пояснительная записка» к этому проекту датирована 16 апреля 1930 г. [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. Из нее следует, что Киренский не являлся соавтором Гринберга в разработке названного проекта, как то подчас утверждается [Пивкин, Евстешина, 2005, с. 161; Невзгодин, 2005, с. 128; Невзгодин, 2013, с. 232].

Графическая часть этого проекта известна лишь по опубликованным 23 мая и 20 июня 1930 г. в «Советской Сибири» перспективе театра [Киренский, 1930] (ил. 4) и «Перспективного вида будущего Дома науки и культуры» [Перспективный., 1930] (ил. 5). Кроме того, без указания источника в книге С.Н. Баландина опубликована иллюстрация «Ансамбль зданий ДКиН, предложенный арх. А.З. Гринбергом» [Баландин, 1990, с. 25], немногим отличающаяся от «Перспективного вида». В заметке, сопровождавшей репродукцию перспективы театра, Киренский информировал: «организация мест в партере намечена по немецкому способу — каждые 4–5 рядов имеют свой вход-выход», «переход между театром и концертным залом имеет плоскую крышу — для прогулок

во время антрактов», «сцена театра полностью механизирована», но предупредил — эскизный «проект не предрешает того, что театр будет строиться по нему». Витражи-полуцилиндры пандусов для связи вестибюля с амфитеатром и ярусами, использовавшие прием из конкурсного проекта Дворца Труда в Екатеринославе, Киренский выделил особо, отметив их подобие «стеклянным банкам» [Киренский, 1930]. Сопоставление перспектив театра ДНиК и театрального зала тульского Дома Советов свидетельствует, что композиционное и объемное построение театра ДНиК и решение его главного фасада — модификация нереализованного в Туле проекта, сохранившая его этажность и монументальность, отличающаяся от образа большей вместимостью (в том числе за счет введения второго яруса зрительного зала) и вынесенным на фасад остеклением пандусов, своеобразии которого подчеркнул Киренский.

Неоднократно ссылаясь в «Пояснительной записке» на европейскую практику, Гринберг, затрагивая тему пандусов, пишет, что их применением достигается быстрая разгрузка зрительного зала, в котором благодаря экономичному «размещению мест по германской системе» предусмотрено 17 выходов. Говоря далее об устройстве сцены, Гринберг отмечает запроектированный им «складывающийся горизонт», получивший «особенное распространение на Западе». Кроме того, «чтобы не помещать кинобудку позади ярусов в большом удалении от экрана» Гринберг предусмотрел установку кинопроекторного аппарата за арьерсценой [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2], используя тем самым аналогичный прием размещения одного из движущихся кинопроекторов в проекте В. Гропиуса для театра Э. Пискатора [Гропиус, 1928, с. 70]. Это выявляет внимание Гринберга к проекту, в котором использовалась железобетонная оболочка, созвучная покрытию аудитории в совместном с Гинзбургом более раннем проекте московского Дворца Труда.

Подробно изложив содержание «Пояснительной записки», С.Н. Баландин констатировал, что «Гринберг показал себя опытным архитектором, на высоком профессиональном уровне разрешающим специфические функционально-пространственные и технологические задачи театрального строительства», однако с учетом цитированного выше текста В.Э. Хазановой заключил: «Но при всем этом фасад здания театра и концертного зала был типологически *весьма невыразительным*, напоминал здание Дома культуры или Народного дома, проекты которых были разработаны в это время для многих городов страны архитекторами-конструктивистами (М. Гинзбург, братья Веснины — Народный дом в Иваново-Вознесенске и

² С 1931 г. вместо первоначальной аббревиатуры ДНиК официально использовалась ДКиН — Дом культуры и науки.

др.). Эта весьма схематичная, неоригинальная композиция не удовлетворяла членов «Комсода», и они продолжали поиски других театральных решений» [Баландин, 1990, с. 27].

Подтверждений тому, что в Комсоде летом 1930 г. существовала подобная точка зрения, ни в архивных документах, ни в публикациях «Советской Сибири» не выявлено. Имея проект Гринберга, составленный с учетом схемы театра, затребованной комиссией В.Д. Вегмана, Комсод мог ориентироваться прежде всего на программы объявленных в 1930 г. конкурсов на проекты театра в Ростове-на-Дону (январь-май) [Известия., 1930. № 148], Дворца культуры Пролетарского района в Москве (первый этап — март-июль) и последовавшего за ними Международного конкурса на проект театра «массового музыкального зрелищного действия» в Харькове. Программа московского Дворца культуры предусматривала массово-зрелищную часть с залом на 5000 человек с универсальной сценой, дающей возможность «проведения на ней спектаклей всех существующих в настоящее время театров и театральных течений», «вынесения театрального действия за пределы зеркала сцены» и учитывающей «возможную эволюцию актерской и режиссерской техники на ближайшее десятилетие» [Из истории., 1984, с. 80].

Поскольку московский конкурс был закрытым, и его программа не обязательно была известна Комсоду, внимание было обращено на результаты предшествовавшего конкурса в Ростове-на-Дону. Сообщив 18 мая 1930 г., что полученный Комсодом эскизный проект театра Гринберга, «возможно... ляжет в основу разработки детального рабочего проекта», «Советская Сибирь» отметила, тем не менее, намерение Комсода «воспользоваться некоторыми материалами всесоюзного конкурса проектов театра, организованного Ростовским-на-Дону горсоветом» [Дом., 1930]. После публикации 29 мая 1930 г. решения жюри конкурса [Известия, 1930. № 148] Комсод решил «послать в Москву, в Главискусство <Наркомпроса РСФСР>, и в Ростов-на-Дону двух товарищей,³ — писала газета, — которым поручено срочно привезти премированные на всесоюзном конкурсе эскизы проектов большого ростовского театра» [Пригодна., 1930], полагая, что «через несколько дней проекты будут получены и тогда будет окончательно решено, по какому проекту строить театр Дома науки и культуры. Возможно, что будет оставлен прежний проект архитектора Гринберга» [Закладка., 1930]. Одновременно по другим зданиям комплекса ДНик (НИИ, Центральная библи-

³ Реально поехал член президиума И.П. Хамармер [ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 741. Л. 120, 122].

отека, Краевой музей и Радиостудия) на Киренского был возложен сбор все еще отсутствовавших заданий на их проектирование и «проработка» полученного материала с докладом президиуму Комсода о результатах не позднее 1 августа [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 741. Л. 122 об.].

Из направленного 16 июня 1930 г. в Севкав-крайисполком письма с просьбой разрешить Комсоду «снятие копий с 6 проектов здания Ростовского театра, премированных на всесоюзном конкурсе и заключения жюри по ним» для «сравнения с имеющимся у нас эскизным проектом <театра ДНик> на предмет его уточнения или того или иного изменения», следует, что ранее Ростовский горсовет обещал прислать лишь снимки с некоторых проектов [Там же. Л. 120]. Вскоре, 17 июля 1930 г., в связи с тем, что «надежды на получение ростовских проектов театра оказались нереальными», Комсод постановил: ввиду отсутствия окончательного проекта, вопрос о назначенной на 6 августа закладке ДНик отложить «до получения проектов». При этом Киренский, пытаясь форсировать начало строительства, полагая, что «для разработки проекта и дачи рабочих чертежей для фундамента <театра> потребуется не меньше полутора месяцев», высказался об «использовании остающегося времени на закладку и строительство концертного зала», который «менее сложен по своей архитектуре и может быть готов, при условии закладки теперь же, к июню-июлю будущего <1931> года» [Будет ли., 1930].

Информация С.Н. Баландина, что «в результате были получены три премированных проекта театра, а также непремированный проект академика В.А. Щуко», с добавлением, что «особенно нравился членам Комсода проект Г.Б. и М.Г. Бархиных», который «был опубликован даже в краевой газете «Советская Сибирь» [Баландин, 1990, с. 27–28], подтверждения не находит, так как в газете был опубликован лишь принятый к строительству заказной проект Щуко и Гельфрейха [Представитель., 1930]. Обсуждавшийся Комсодом вопрос возможного использования в Новосибирске ожидаемых проектов актуальности обрести не успел, поскольку в Ростове-на-Дону анализ итогов конкурса, просчетов его программы и недостатков поступивших проектов, а затем доработка и окончательное утверждение проекта Щуко и Гельфрейха затянулись до марта 1931 г. [Воробьев, 2012, с. 104–108].

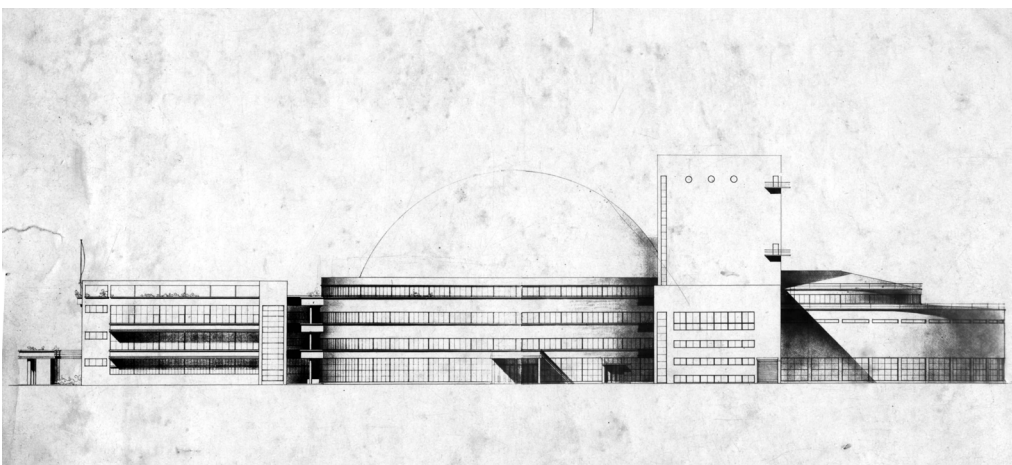
Развивая тему поиска Комсодом «других театральных решений», С.Н. Баландин, приводя примеры проектов харьковского театра — братьев Весниных с использованием «огромного плоского купола» диаметром 75 м и группы студентов под руководством А.В. Власова, предусмотревшего покрытие зала «полушаром-куполом диаметром в 90

м», — заключил: «Проекты этих конкурсов были известны членам Комсода, и в их сознании постепенно стал вызревать образ театра, близкий к этим образцам новейшей архитектуры. Наконец... И.В. Киренский провел переговоры с группой московских специалистов о проектировании для Новосибирска театра нового типа, с новейшей формой сценографии и новым объемно-пространственным архитектурным построением» [Баландин, 1990, с. 30]. Дату данных «переговоров» Киренского ориентировочно можно установить по газете «Советская Сибирь», которая сообщила об этом 11 августа 1930 г. [Представитель., 1930], но к тому моменту проекты братьев Весниных и группы Власова не могли быть «известны членам Комсода», поскольку проектов еще физически не было, так как по объявленному в июне конкурсу на проект харьковского театра сроком их подачи был назначен декабрь 1930 г. [Известия., 1930. № 170; Программа., 1930].

Естественно, что Гринберг был информирован о названных «поисках» Комсода, поскольку с членом его президиума Киренским, часто бывавшим в Москве, он находился в постоянном контакте. Для Гринберга это была обычная практика — при реализации своих проектов он привлекал к руководству постройкой известных ему профессионалов. В Брянске, например, строительством Дома Советов руководил сокурсник Гринберга по Академии художеств М.Г. Шиланский [ГАБО, Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 3. Л. 111], строительством Городской поликлиники — опытный московский архитектор Г.П. Евланов [В-ин, 1927]. Тот же Шиланский в должности главного инженера по проекту Гринберга (с участием П.А. Голосова) построил Окружную больницу в Ростове-на-Дону [ГАРФ, Ф. Р-5528. Оп. 6. Д. 61. Л. 16–17]. Подобная схема взаимо-

действий сложилась и с Киренским — сначала на стройке Окружной больницы, а затем и театра ДНиК. В период с января 1930 г. (по данным Гринберга — с конца 1929 г.) по ноябрь 1932 г., свидетельствовал Киренский, «сознавая всю ответственность и сложность строительства Новосибирского театра, представляющего из себя исключительный строительный эксперимент, требующий от меня максимального внимания и затраты всего свободного времени», «я без технических помощников провел всю организационную работу, начиная с разработки задания на строительство театра, проектировки, утверждения проекта в Научно-техническом совете Наркомпроса и организации работ на месте», причем в 1932 г. — в должности начальника строительства театра и затем его главного инженера [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501. Л. 33 об., 128–129].

Не идеализируя первоначальный проект театра, выполненный по заданной Комсодом традиционной схеме, Гринберг отметил, что его «зрительный зал был запроектирован амфитеатром обычного типа с двумя ярусами поднимающихся балконов. Сцена представляла из себя обычную коробку с поворотным кругом, поднимающимися планшетами на планжерах с небольшим количеством фурок, т.е. механизация была не в больших размерах. В остальном проект почти не отличается от существовавших до того театров» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13. Л. 101]. «Этот эскизный проект по одобрению его Комсодом, — напомнил Гринберг на совещании в декабре 1932 г., — было предложено летом 1930 г. разработать для осуществления его в натуре. Не будучи специалистом сцены, электрификации, кинофикации, вентиляции и отопления, канализации, водопровода и т.д., я посоветовал бывшему тогда в Москве инж. Ки-

Ил. 6. Проект Панорамно-планетарного театра Дома науки и культуры. Архитекторы А.З. Гринберг, М.Т. Смуров. 1931. Боковой фасад [ГАНУ. Р-2102. Оп. 2. Д. 316. Л. 36]

Fig. 6. A design of the *Panoramic-Planetary Theater of the House of Science and Culture*. Architects are A.Z. Greenberg, M.T. Smurov. 1931. Side facade [State Archive of the Novosibirsk Region]

ренскому все эти работы передать соответствующим специалистам, оставить за мною, за архитектором-художником, лишь общую композицию сооружения, планировку и архитектурное оформление его, как внутреннее, так и наружное. Это предложение, — продолжил Гринберг, было Комсодом летом <19>30 г. одобрено. Рекомендованные мною для разработки сцены на основе первоначального эскиза, мною составленного, арх. Т.Я. <Бардт> и худ. М.И. Курилко предложили Комсоду совершенно новую систему механизации сцены и кинофикации зрительного зала, не имевшую до сего времени применения в существующих театрах. Ознакомившись с предложением тт. Бардта и Курилко, Комсод нашел возможным пойти по совершенно новому пути и заключил с ними договор. В соответствии с этим новым обстоятельством первоначально составленный мною эскиз театра на 3000 чел. был мною перестроен, базируясь на той системе, которую предложили тт. Бардт и Курилко» [Там же. Л. 101–102].

Изложенная Гринбергом трактовка метафоры проекта дала основание полагать, будто Гринберг «навел» Киренского на названных специалистов «невольно» [Баландин, 1990, с. 30]. Однако, как следует из материалов следственного дела Т.Я. Бардта, ситуация складывалась иначе: «В Москве я встретился с Гринбергом, — отметил Бардт, — и сказал ему, что у нас с Курилко есть идея строительства театра, которую нужно обсудить» и уточнил: «Идея строительства Дома Науки и Культуры мною и Курилко была предложена Гринбергу, который провел эту идею в Новосибирске» [Пивкин, Евстешина, 2005, с. 41]. Хотя данные о предшествующих творческих контактах Гринберга, Бардта и Курилко не выявлены, известен факт их учебы в 1900-х гг. в Академии художеств [Юбилейный.., 1915, с. 290, 321, 434], где они могли быть ориентированы и на технические новации, поскольку руководителем дипломных проектов Бардта и Гринберга был академик А.Н. Померанцев, незадолго до того сотрудничавший с великим инженером В.Г. Шуховым.

Возможно, встреча мастеров не случайно произошла вслед за намерением Комсода воспользоваться проектами ростовского конкурса и отменой срока закладки здания театра. В скорейшем осуществлении названной «идеи», связанной с направленной в Центральное бюро по реализации изобретений при ВСНХ СССР (ЦБРИЗ) 15 мая 1930 г. заявкой на регистрацию панорамно-планетарного театра системы «Теомасс» [Баландин, 1990, с. 30], прежде всего был заинтересован ее автор М.И. Курилко. Являясь в 1924–1928 гг. главным художником Большого театра и создателем (автор либретто и художник) совместно с Р.М. Глиэром пер-

вого балета советской тематики «Красный мак», возможно, из-за творческих разногласий, он, как следует из его письма заместителю председателя президиума Комсода Н.П. Ялухину, покинул театр [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501. Л. 85]. Постройка изобретенного им нового театра открывала необходимые творческие перспективы.

Для Бардта, мастера театральной архитектуры, оказавшегося во второй половине 1920-х гг. проектировщиком беконных фабрик Госторга, объектов Мосмясохладобоев и Всесоюзного автотракторного объединения [Пивкин, Евстешина, 2005, с. 35–36] и получившего в этой сфере специфический опыт механизации производства, система «Теомасс» была возможностью снова включиться в театральную тему.

Гринбергу внедрение этой системы в ранее утвержденный проект театра ДННК давало реальный шанс создать, наконец, уникальное произведение с использованием столь привлекавшей его купольной оболочки, в данном случае крупнейшей в мире. Тем более что заявка М.И. Курилко совпала с активизацией в начале первой пятилетки вопросов рационализации и внедрения поступивших в ЦБРИЗ изобретений, ускорения которой председатель Госплана СССР В.В. Куйбышев потребовал не только в издававшемся с 1929 г. журнале «Изобретатель», но и в докладе на XVI съезде ВКП(б) 7 июля 1930 г. [Ермаков, 2014].

Состоявшееся предварительное согласование с Гринбергом системы панорамно-планетарного театра косвенно подтверждается тем, что Гринберг рекомендовал Киренскому обратиться к Бардту и Курилко, лишь завершив в июле 1930 г. очередной конкурсный заказ — проект расширения Всесоюзного коммунистического университета им. Я.М. Свердлова в Москве (соавтор гражданский инженер Н.Я. Тихомиров). Выйдя победителем в соревновании с проектами И.А. Фомина (совместно с Г.К. Олтаржевским), Московского и Ленинградского отделений Проектгражданстроя, передав реализацию своего проекта инженеру А.Г. Пастернаку [Пастернак, 1931], он включился в следующую фазу работы над проектом театра ДННК.

Те же Бардт и Курилко, видимо, направили Киренского в Моспроект, куда был переведен проектный отдел Мосстроя, построенного введенный в действие в ноябре 1929 г. первый в стране планетарий. Собственно, не только проект театра Э. Пискатора с охватывающей зрительный зал круговой кинопанорамой и легкой оболочкой, но и Московский планетарий с его внутренней полусферой диаметром 27 м над зрительным залом на 1440 мест [Московский.., 2020] определили не только название, но и концепцию нового панорамно-планетарного

театра. Как следует из «Советской Сибири» от 20 августа 1930 г., проект договора с Моспроектом предусмотрел «разработку железобетонных и прочих конструкций» театра в течение 7 месяцев [Театр., 1930], но он не состоялся.

После того, как Курилко, срочно вызванный в Новосибирск [Там же], изложил идею нового театра пленуму Комсода («с участием технических, художественных, театральных и др. работников»), на котором директор Коммунтреста А.В. Дугин, главный инженер Энерготреста Б.С. Новиков и тот же В.Д. Вегман восприняли «возможность практического осуществления театра этого типа с некоторым недоверием» [Горсовет., 1930], «вся работа по составлению нового эскизного проекта, планировки районов расположения ДКиН, архитектурной разработки его, как во внешнем, так и во внутреннем его оформлении, — сообщил Гринберг, — протекала с октября 1930 г.» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13. Л. 101–102]. Т.е. Гринберг включился в дальнейшую работу над проектом театра раньше, чем авторы его новой системы, с которыми договор о выполнении «эскизного проекта механизации театра» был заключен лишь 10 ноября 1930 г. [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 2. Л. 11]. Видимо, после того как ориентировочный размер купола был определен, разработку проекта театра принял Гипрострой ВСНХ СССР, по договору с Комсодом взявший на себя расчет прочности и устойчивости сооружения, составление окончательного проекта, исполнение рабочих и детальных чертежей [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501. Л. 40]. Гринберг, что следует из справки, подписанной директором Гипростроя инженером Г.М. Ковельманом, «как работник новосибирского Комсода» с 1 января 1931 г. консультировал эту «проектную разработку в части архитектурного оформления театра» [Там же. Л. 76]. В первую очередь были разработаны: продольный разрез — 20 ноября 1930 г., «планировка рядов в зрительном зале» — 29 ноября, планы 1-го и 2-го этажей — 22 и 23 января 1931 г., поперечный разрез по вестибюлю и лестницам — 12 февраля, фасады «передний» и задний — 20 февраля, боковой — 25 февраля, поперечный разрез по артистическим уборным — 15 марта 1931 г., доставленные Т.Я. Бардтом в Ленинград-сантехстрой для выполнения сантехнических работ [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10], как то и предлагал ранее Гринберг. Зимой 1930–1931 г. в Москве состоялись три общественных просмотра проекта, а в марте – апреле 1931 г. он был передан в Наркомпрос для рассмотрения [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 4. Л. 1].

Столь быстрый темп подготовки документации нового проекта театра оказался возможен лишь при использовании наработок

Гринберга по его первоначальному эскизному проекту, что позволило Гипрострою уже в апреле 1931 г., как констатировал Киренский, обеспечить готовность 85% чертежей «вестибюльной части здания» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. Фиксируя результаты строительных работ, развернутых по этим чертежам, комиссия с участием назначенного вместо Киренского начальником постройки ДНиК инж. С.А. Польшалина актом от 22 мая 1931 г. «освидетельствовала» котлован под вестибюльную часть Дома науки и культуры, установив, что он «вырыт в плане во всем согласно утвержденного проекта и рабочих чертежей» [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1504. Л. 5]. Технологически этот возводившийся первым объем был необходим в качестве площадки для заготовки сегментных ферм опалубки купола, которую было решено «расположить в вестибюле на уровне перекрытия четвертого этажа кулуаров» [Пастернак, Матэри, 1935, с. 24].

Суть названной Гринбергом «перестройки» первоначального эскиза театра выявляется при сопоставлении формы и размеров его функциональных частей в обоих проектах: исключив из эскиза не удовлетворявшую новым требованиям сценическую коробку, Гринберг перенес в проект планетарно-панорамного театра прямоугольный объем четырехэтажного корпуса (сохранив вестибюль 1-го этажа), назвав его «вестибюльным», и состыковав с ним ставший центральной частью театра новый, перекрытый купольной 60-метровой оболочкой зрительный зал, примыкающий к куполу портал сцены и новую сценическую коробку. При этом пространство бывшего зрительного зала было перепрофилировано с размещением в нем двухэтажного главного фойе (включая ресторан-кафе) с балконом (хорами), а верхний этаж форматирован в открытую террасу для прогулок во время антрактов.

Конструкция полусферической купольной оболочки и ее опалубки, расчет которых выполнил инженер Б.Ф. Матэри, были при участии Гринберга согласованы научным руководителем Гипростроя П.Л. Пастернаком с инженерами Комсода Киренским и Польшалиным [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501. Л. 40 и об.], что свидетельствует о принципиальной роли Гринберга в определении формы и размеров купола. Инженеры Гипростроя, полагали, что «зрительному залу придан вид амфитеатра с грандиозным сферическим экраном в виде перекрытия зала» «для лучших оптических эффектов» [Пастернак, Матэри, 1935, с. 19], что совпадало с позицией Бардта, который на совещании Комсода 23 декабря 1932 г. также обращал внимание прежде всего на функциональную возможность создавать на куполе «любые проекции вроде полета эскадрилий, аэропланов, вроде небесных явлений, ме-

теорологических явлений, облаков, луны, звездного неба» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 4. Л. 101].

Гринберг, в отличие и от Бардта и тем более от инженеров Гипростроя, конструировал выразительную архитектуру уникальной купольной оболочки, формируя ее визуально-воспринимаемую легкость. «Купол, — говорил он, как следует из стенографической записи 1932 г... конечно, нецелесообразно, по соображениям чисто художественным, покрыть оцинкованным или иным железом, ибо он мягким будет. Затем швы, их нельзя будет идеально заделать, вследствие этого купол будет жеваный. Я думаю его обработать таким материалом, чтобы он был идеальным. Или же, может быть, его обработать цементом, может быть имеется теперь особый способ ожелезнить, ожелезнить его чем угодно, — краской, цинком, оловом» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 4. Л. 4]. Через год, когда купола еще не было, он снова подчеркнул, что «хочется, чтобы это был матово-алюминиевый цвет и поверхность купола <была> совершенно гладкой и ровной без швов» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13. Л. 49] (ил. 6), т. е. подобной куполу в конкурсном проекте Иваново-Вознесенского Народного дома. Именно творческую роль Гринберга в этом процессе иллюстрируют вопросы Г.П. Гольца: «Почему купол так велик?» и И.В. Жолтовского: «Не думали ли Вы, что купол все же нужно ниже сделать?», на которые Гринберг уверенно ответил: «Купол, несомненно, очень силен. Если бы делать высоту как в эскизном проекте, то он давал бы зрительное впечатление как бы проваливающегося; во избежание этого завала решили его поднять» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13. Л. 51], решили, видимо, с его соавтором М.Т. Смуровым.

Когда же в 1933 г. возник поставленный Комсомом вопрос о внешнем декорировании купола, Бардт, пытаясь защитить его от искажений, солидаризируясь с Гринбергом высказался весьма емко: «Этот купол есть суть всего театра, является оформлением всего его объема. Он... не является формой, вытекающей из технических соображений... а... есть органическая часть этого театра... купол дает пространство, и это играет главную роль. Этот купол не есть украшение или более целесообразное перекрытие того зала, в котором мы находимся, но есть органически связанная часть всей идеи, всего типа этого театра» [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2131. Л. 177]. Подтверждая эту мысль, вдохновленный образом возводимого театра, Гринберг с большим чувством написал председателю Комсода И.Г. Зайцеву, что ощущает себя «автором проекта, в который заложено все самое лучшее, что он мог только дать» [ГАНУ, Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501. Л. 60 об.], определив тем самым место этого

произведения в своем творчестве.

Выводы. Рассмотренная история проектирования театра новосибирского Дома науки и культуры на его начальном этапе демонстрирует присущую Гринбергу приверженность к реализации ранее не осуществленных актуальных проектных решений. Это позволяло ему, как свободно практикующему архитектору, не состоявшему в штате проектных организаций, используя предшествующие замыслы, работать весьма эффективно, проектируя одновременно несколько объектов. До сих пор одним из наиболее известных таких произведений являлся Дом Советов, запроектированный Гринбергом для Новосибирска (практически одновременно с первоначальным проектом театра ДНИК), но построенный в Йошкар-Оле [Казусь, 2018].

Театр ДНИК, как показало исследование, демонстрирует ту же тенденцию, при этом последовательно объединяя несколько проектных линий. Основой его первоначально, утвержденного к строительству проекта, стал неосуществленный проект театрального зала тульского Дома Советов. После решения о дальнейшем проектировании театра как панорамно-планетарного, его концепция, требовавшая возведения грандиозного купола, была транслирована Гринбергу как первому в стране специалисту, включившему использование крупных тонкостенных оболочек в сферу архитектурного проектирования, опередив и архитекторов Московского планетария, и Б.М. Иофана с оболочками Клуба им. А.И. Рыкова и кинотеатра в составе комплекса жилого дома ВЦИК. При этом четырехэтажный объем театра ДНИК по первоначальному проекту, за исключением сценической коробки, вошел в состав панорамно-планетарного театра в качестве его «вестибюльной части», тем самым вновь подтвердив творческую специфику работы мастера.

В этом контексте получает объяснение вопрос, поставленный в свое время С.Н. Баландиным, — почему Бардт, «опытный строитель театральных зданий», «не стал заниматься архитектурой ДКиН» [Баландин, 1990, с. 34]. Причина была не только в том, что «классика сидела в нем внутри» [Пивкин, Евстешина, 2005, с. 96] и, понимая начало 1930-х гг. как «переходный момент от архитектуры, где она оголена, но не одета вновь» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 4. Л. 181], Бардт не мог взяться воплотить здание в требуемую моментом художественную форму, которую инженеры Гипростроя трактовали как «стиль трезвого конструктивизма» [Пастернак, Матэри, 1935, с. 19], а сам Гринберг называл «чистым конструктивизмом» [ГАНУ, Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13. Л. 51]. Но прежде всего объяснялась тем, что, говоря «хотя <я> и архитектор, работал в

этот раз не над фасадом, а по механизации» [Там же, Л. 180] и «составлением проекта по наружному оформлению театра я не занимался» [Пивкин, Евстешина, 2005, с. 99]), Бардт исходил из ситуации, в которой новая сценическая технология внедрялась путем «перестройки» в уже запроектированный Гринбергом объект.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2020 г., тема 1.2.1.

Список литературы

1. Баландин С.Н., Баландин В.С. Новосибирск: что остается в наследство? История строительства и архитектура здания театра оперы и балета. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. — 104 с.
2. Великие шедевры архитектуры. 100 зданий, которыми восхищается мир. — М.: Центрполиграф, 2014. — URL: <https://culture.wikireading.ru/53869> (дата обращения: 25.04.2020).
3. Воробьев А.Ю. Архитектурные конкурсы 1930–1932 годов на Театр массового действия и Синтетический театр в СССР: дис. ... канд. архитектуры. — М., 2012.
4. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. — М.: Государственное издательство, 1924. — 238 с.
5. Гринберг А. Строительное строительство зданий // Строительная промышленность. — 1930. — № 8–9. — С. 648–652.
6. Гропиус В. Проект театра Э. Пискатора // Современная архитектура. — 1928. — № 2. — С. 69–71.
7. Духанов С.С. Архитектура рабочих клубов и дворцов культуры города Новосибирска 1920 — первой половины 1950-х гг.: дис. ... канд. архитектуры. — Новосибирск, 2006.
8. Ермаков Ю.М. У истоков: журналу «Изобретатель и рационализатор» 85 лет // Изобретатель и рационализатор. — 2014. — № 6. — С. 9–11. — URL: <http://i-r.ru/article/2200/> (дата обращения: 25.04.2020).
9. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 251 с.
10. Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг. Документы и материалы. Рабочие клубы и дворцы культуры. Москва. — М.: Наука, 1984. — 140 с.
11. Казусь И.А. Архитектор Александр Гринберг и стилевые движения советской архитектуры 1920–1930-х годов // Архитектурное наследство. Вып. 58. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — С. 229–241.
12. Казусь И.А. Дом Советов для Новосибирска, построенный в Йошкар-Оле (1930–1938) // Архитектурное наследство. Вып. 69. — СПб.: Коло, 2018. — С. 204–218.
13. Казусь И.А. Проект Окружной больницы А.З. Гринберга в Новосибирске (1927–1929): неизвестное об известном // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 118–132.
14. Казусь И.А. Строительство Дома Советов (1924–1926) в Брянске и развитие города // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — С. 318–338.
15. Коммунальное хозяйство. — 1922. — № 8–9. — С. 24.
16. Конкурсы МАО. 1923–1926. — М.: Московское архитектурное общество, 1927. — 148 с.
17. Кривошапко С.Н., Галашникова В.В. Архитектурно-строительные конструкции. — М.: Юрайт, 2015. — 476 с.
18. Ложкин А. Оперный. Проектирование // Оперный. История проектирования, строительства, реконструкции Новосибирского государственного академического театра оперы и балета. Специальный выпуск журнала «Проект Сибирь». — Новосибирск: Новосибирская областная общественная организация «Культурное наследие», 2005. — С. 4–12.
19. Невзгодин И.В. Архитектура Новосибирска. — Новосибирск: Изд-во Сиб. отделения Рос. акад. наук, 2005. — 203 с.
20. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск, 2013. — 320 с.
21. Пастернак А.Г. Конкурс на проект расширения Всесоюзного коммунистического университета им. Я.М. Свердлова в Москве // Строительная промышленность. — 1931. — № 1. — С. 61–63.
22. Пастернак П.Л., Матэри Б.Ф. Конструкции Большого театра в Новосибирске // Проект и стандарт. — 1935. — № 1. — С. 17–26.
23. Пивкин В.М., Евстешина Д.С. Архитектор Траугот Бардт. Известный и неизвестный. — Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2005. — 140 с.
24. Самарин И.В. Новосибирский окрисполком: структура, функции и специфика управления городом Новосибирском // Новосибирский архивный вестник: информационно-методический бюллетень Комитета государственной архивной службы администрации Новосибирской области. — 1999. — № 3. — С. 33–37.

25. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. — М.: Наука, 1970. — 216 с.

26. Хан-Магомедов С.О. М.Я. Гинзбург. — М.: Стройиздат, 1972. — 184 с.

27. Billington D.P. Der Turm und Brücke: Die neue Kunst des Ingenieurbaus. — Berlin: Ernst & Sohn, 2013. — 298 s.

References

1. Balandin S.N., Balandin V.S. Novosibirsk: chto ostajotsja v nasledstvo? Istorija stroitel'stva i arhitektura zdaniya teatra opery i baleta [Novosibirsk: what remains in the inheritance? The history of construction and architecture of the Opera and Ballet Theater]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 104 p. (In Russ.)

2. Billington D.P. Der Turm und Brücke: Die neue Kunst des Ingenieurbaus. Berlin: Ernst & Sohn, 2013. 298 p.

3. Duhanov S.S. Arhitektura rabochih klubov i dvorcov kul'tury goroda Novosibirska 1920 – pervoj poloviny 1950-h gg. [The architecture of work clubs and palaces of culture of the city of Novosibirsk 1920 – the first half of the 1950s.] Diss ... kand. arhitektury. Novosibirsk, 2006. (In Russ.)

4. Ermakov Ju.M. U istokov: zhurnal «Izobretatel' i racionalizator» 85 let [At the origins: 85th anniversary of the «Inventor and Rationalizer» magazine]. *Izobretatel' i racionalizator*. 2014. No 6. Pp. 9–11. URL: // <http://i-r.ru/article/2200/> (data obrashhenija: 25.04.2020). (In Russ.)

5. Ginzburg M.Ja. Stil' i jepoha. Problemy sovremennoj arhitektury [Style and era. Problems of modern architecture]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 238 p. (In Russ.)

6. Grinberg A. Stroitel'stvo pravitel'stvennyh zdaniy [Construction of government buildings]. *Stroitel'naja promyshlennost'*. 1930. No 8–9. Pp. 648–652. (In Russ.)

7. Gropius V. Proekt teatra Je. Piskatora [Piskator Theater Project]. *Sovremennaja arhitektura*. 1928. No 2. Pp. 69–71. (In Russ.)

8. Han-Magomedov S.O. M.Ja. Ginzburg. Moscow: Strojizdat, 1972. 184 p. (In Russ.)

9. Hazanova V.Je. Sovetskaja arhitektura pervyh let Oktjabrja. 1917–1925 gg. [Soviet architecture of the first years of October. 1917–1925]. Moscow: Nauka, 1970. 216 p. (In Russ.)

10. Iz istorii sovetskoj arhitektury 1917–1925 gg. Dokumenty i materialy / Sostavitel', avtor statej i primechanij V.Je. Hazanova [From the history of Soviet architecture 1917–1925. Documents and materials]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963. 251 p. (In Russ.)

11. Iz istorii sovetskoj arhitektury 1926–1932 gg. Dokumenty i materialy. Rabochie kluby i dvorcy kul'tury. Moskva / Sost. V.Je.

Hazanova [From the history of Soviet architecture 1926–1932. Documents and materials. Work clubs and palaces of culture]. Moscow: «Nauka», 1984. 140 p. (In Russ.)

12. Kazus' I.A. Arhitektor Aleksandr Grinberg i stilevyje dvizhenija sovetskoj arhitektury 1920–1930-h godov [Architect Alexander Grinberg and the style movements of Soviet architecture of the 1920–1930s]. *Arhitekturnoe nasledstvo*. Vyp. 58. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. Pp. 229–241. (In Russ.)

13. Kazus' I.A. Dom Sovetov dlja Novosibirska, postroennyj v Joshkar-Ole (1930–1938) [House of Soviets for Novosibirsk, built in Yoshkar-Ola (1930–1938)] // *Arhitekturnoe nasledstvo*. Vyp. 69. S.-Peterburg: Kolo, 2018. Pp. 204–218. (In Russ.)

14. Kazus' I.A. Proekt Okružnoj bol'nicy A.Z. Grinberga v Novosibirske (1927–1929): neizvestnoe ob izvestnom [District Hospital Project of A.Z. Greenberg in Novosibirsk (1927–1929): the unknown about the known]. *Balandinskie chtenija: sb. statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv*, 2017. Vol. XII. Pp. 118–132. (In Russ.)

15. Kazus' I.A. Stroitel'stvo Doma Sovetov (1924–1926) v Brjanske i razvitie goroda [Construction of the House of Soviets (1924–1926) in Bryansk and city development]. In: *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-h godov: Novye issledovanija i materialy*. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. Pp. 318–338. (In Russ.)

16. *Kommunal'noe hozjajstvo*. 1922. No 8–9. P. 24. (In Russ.)

17. Konkursy MAO. 1923–1926 [MAO Competitions. 1923–1926]. Moscow: Moskovskoe arhitekturnoe obshhestvo, 1927. 148 p. (In Russ.)

18. Krivoshapko S.N., Galashnikova V.V. Arhitekturno-stroitel'nye konstrukcii [Architectural and building structures]. Moscow: Jurajt, 2015. 476 p. (In Russ.)

19. Lozhkin A. Opernyj. Proektirovanie [Operatic. Design]. In: *Opernyj. Istorija proektirovanija, stroitel'stva, rekonstrukcii Novosibirskogo gosudarstvennogo akademicheskogo teatra opery i baleta. Special'nyj vypusk zhurnala «Proekt Sibir'»*. Novosibirsk: Novosibirskaja oblastnaja obshhestvennaja organizacija «Kul'turnoe nasledie», 2005. Pp. 4–12. (In Russ.)

20. Nevzgodin I.V. Arhitektura Novosibirska [Architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd-nija Ros. akad. nauk, 2005. 203 p. (In Russ.)

21. Nevzgodin I.V. Konstruktivizm v arhitekture Novosibirska [Constructivism in the architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk, 2013. 320 p. (In Russ.)

22. Pasternak A.G. Konkurs na proekt rasshirenija Vsesojuznogo kommunisticheskogo universiteta im. Ja.M. Sverdlova v Moskve [Competition for the expansion project of the

All-Union Communist University named after Ya.M. Sverdlov in Moscow]. *Stroitel'naja promyshlennost'*. 1931. No 1. Pp. 61–63. (In Russ.)

23. Pasternak P.L., Matjeri B.F. Konstrukcii Bol'shogo teatra v Novosibirsk [Constructions of the Bolshoi Theater in Novosibirsk]. *Proekt i standart*. 1935. No 1. Pp. 17–26. (In Russ.)

24. Pivkin V.M., Evsteshina D.S. Arhitektor Traugot Bardt. Izvestnyj i neizvestnyj [Architect Traugot Bardt. Known and unknown]. Novosibirsk: NPC po sohraneniu istoriko-kul'turnogo nasledija Novosibirskoj oblasti, 2005. 140 p. (In Russ.)

25. Samarin I.V. Novosibirskij okrispolkom: struktura, funkcii i specifika upravlenija gorodom Novosibirskom [Novosibirsk district executive committee: structure, functions and specifics of the management of the city of Novosibirsk]. *Novosibirskij arhivnyj vestnik: informacionno-metodicheskij bjulleten' Komiteta gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby administracii Novosibirskoj oblasti*. 1999. No 3. Pp. 33–37. (In Russ.)

26. Velikie shedevry arhitektury. 100 zdaniy, kotorymi voshishhaetsja mir [Great masterpieces of architecture. 100 buildings that the world admires]. Moscow: Centrpoligraf, 2014. URL: // <https://culture.wikireading.ru/53869> (data obrashhenija: 25.04.2020). (In Russ.)

27. Vorob'ev A.Ju. Arhitekturnye konkursy 1930–1932 godov na Teatr massovogo dejstva i Sinteticheskij teatr v SSSR [Architectural competitions of 1930–1932 at the Theater of Mass Action and the Synthetic Theater in the USSR]. Diss ... kand. arhitektury. Moscow, 2012. (In Russ.)

Список источников

1. Будет ли в этом году произведена закладка ДНик? // Советская Сибирь. — 1930. — № 165. 19 июля.

2. Весь Новосибирск. Справочная книга. — Новосибирск: Издание Западно-Сибирского краевого комитета содействия постройке Дворца культуры и науки, 1931. — 251 с.

3. В-ин. Работы по постройке поликлиники, домов банков и промышленности и горсовета // Брянский рабочий. — 1927. — № 115. — 22 мая.

4. ГАБО. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 3.

5. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 741.

6. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1501.

7. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1504.

8. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2131.

9. ГАНО. Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 1.

10. ГАНО. Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 2.

11. ГАНО. Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 4.

12. ГАНО. Ф. Р-2050. Оп. 1. Д. 13.

13. ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 2. Д. 316.

14. ГАРФ. Ф. Р-5528. Оп. 6. Д. 61.

15. Горсовет принял проект художника Курилко // Советская Сибирь. — 1930. — №

200. — 31 авг.

16. Дом науки и культуры. // Советская Сибирь. — 1930. — № 112. — 18 мая.

17. Дом науки и культуры должен быть построен не позже будущего года // Советская Сибирь. — 1929. — № 251. — 31 окт.

18. Закладка ДНик назначена на шестое августа // Советская Сибирь. — 1930. — № 134. — 12 июня.

19. Зодчий. — 1912. — № 50. — С. 499.

20. Зодчий. — 1913. — № 51. — С. 528.

21. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1929. — № 287. — 7 дек.

22. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1930. — № 4. — 4 янв.

23. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1930. — № 148. — 29 мая.

24. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1930. — № 170. — 22 июня.

25. Киренский <И.В.> Новый театр на 3935 зрителей // Советская Сибирь. — 1930. — № 116. — 23 мая.

26. Московский планетарий. 2020. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Московский_планетарий (дата обращения: 25.04.2020).

27. Московское архитектурное общество <...> объявляет открытый конкурс <...> на составление проекта здания Народного Дома имени В.И. Ульянова-Ленина в городе Иваново-Вознесенске <Программа конкурса>. — М., 1924. — 10 с.

28. Перспективный вид будущего Дома науки и культуры <в Новосибирске> // Советская Сибирь. — 1930. — № 141. — 20 июня.

29. Пора начать сбор средств на постройку Дома науки и культуры // Советская Сибирь. — 1929. — № 199. — 31 авг.

30. Постройку Дома науки и культуры начнем в будущем строительном сезоне // Советская Сибирь. — 1929. — № 223 — 28 сент.

31. Представитель Комиссии содействия... // Советская Сибирь. — 1930. — № 183. — 11 авг.

32. Пригодна ли Базарная площадь под постройку ДНик? // Советская Сибирь. — 1930. — № 137. — 15 июня.

33. Программа международного конкурса на проект Государственного украинского театра массового музыкального действия на 4000 мест в г. Харькове. — Харьков, 1930. — 71 с.

34. Сибири крайне необходим Дом науки и культуры // Советская Сибирь. — 1929. — № 198. — 30 авг.

35. Создан Комитет содействия постройке «Дома культуры и науки» // Советская Сибирь. — 1930. — № 35. — 12 февр.

36. Театр Дома науки и культуры рассчитан на три тысячи человек // Советская Сибирь. — 1930. — № 190. — 20 авг.

37. ЦАНО. Ф. Р-1679. Оп. 1 (1928 г.). Д. 383.

38. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. <Т.> II. Часть биографическая / сост. С.Н. Кондаков. — Петроград: Т-во Р. Голике и А. Вильборг [1915]. — 454 с.

Список сокращений

Б. — бывший
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАБО — Государственный архив Брянской области
ГАО — Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
Гипрострой — Государственный проектно-строительный трест «Институт в производстве»
Главискусство — Главное управление по делам художественной литературы и искусства
Горсовет — городской совет
Госплан — Государственный плановый комитет
Госторг — Государственная экспортно-импортная контора
Губ. — губерния
Губисполком — губернский исполнительный комитет
ДНИК — Дом науки и культуры
ЗапСКИК — Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет
Исполком — исполнительный комитет
Истпарт — Отдел по истории Октябрьской революции и РКП(б)
Комсод — комитет содействия
Коммунтрест — Новосибирский коммунальный трест предприятий общественного пользования

Крайисполком — краевой исполнительный комитет

Ленинградсантехстрой — Ленинградская контора санитарно-технического строительства

МАО — Московское архитектурное общество

МВТУ — Московское высшее техническое училище

Минстрой — Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации

Мосмясохладобойня — Московская контора по заготовке мясной продукции

Моссовет — Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Мосстрой — Строительная контора Московского совета народного хозяйства

Моспроект — Московская государственная областная проектная контора

Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

НИИ — Научно-исследовательский институт

Окрисполком — окружной исполнительный комитет

Севкавказкрайисполком — Северокавказский краевой исполнительный комитет

Проектгражданстрой — Государственное акционерное общество по проектированию гражданского строительства

РААСН — Российская академия архитектуры и строительных наук

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦБРИЗ — Центральное бюро по реализации изобретений

Энерготрест — Новосибирское отделение Всесоюзного государственного энергостроительного треста «Энергострой»